

Крюкова В. Г.,

аспирантка первого года обучения,
кафедра теории и истории мировой литературы,
Южный федеральный университет, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации,
г. Ростов-на-Дону, Россия

© 2022

Дата приема:
29.03.2022

«MAN-SIZE IN MARBLE» ЭДИТ НЕСБИТ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ФИГУРЫ «НОВОЙ ЖЕНЩИНЫ» В ЖАНРЕ ГОТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЫ

В статье рассматривается художественное выражение феномена «новой женщины» в готической новелле Эдит Несбит «Man-size in marble». Предлагается анализ готических мотивов, элементов жанровой формы, а также хронотопов времени и пространства, призванных проблематизировать положение женщины в патриархальном обществе. Отдельное внимание уделяется перечислению готических тропов, традиционно ассоциируемых с литературой «ужаса», которые используются Э. Несбит для того, чтобы подчеркнуть зависимое положение женщины. Выявляется бинарность женского образа как показателя неоднозначного отношения Эдит Несбит к феминистским идеям поздневикторианского периода.

Ключевые слова: «новая женщина»; готическая новелла; готический сюжет; замковый хронотоп; хронотоп времени; готические топосы; виктимизация.

Имя английской писательницы Эдит Несбит (1858–1924) неразрывно связано с детской литературой. Автор таких приключенческих романов, как «История с амулетом», «Пятеро детей и Оно», «Искатели сокровищ», долгое время вызывала интерес исследователей исключительно своим новаторским подходом к построению волшебных миров.

При этом не стоит забывать, что писательница рубежа веков Несбит была свидетельницей становления феномена «новой женщины». «Новая женщина» — это культурный феномен, ставший ответом на гендерную идеологию традиционного патриархального общества. Для представительниц новой генерации было характерно стремление к самостоятельному мышлению и реализации талантов, требование личного пространства и готовность действовать вне существующих гендерных стереотипов. В сборнике статей под редакцией Энн Хейлманн «новая женщина» рассматривается как литературное явление, изменившее категории художественного произведения для выражения своей социально-политической позиции [8]. Стоит отметить и монографию Клэр Хэнсон «Литература истерик: женские рассказы XX века» как большую исследовательскую работу, анализирующую способы выра-

жения женского опыта через писательскую деятельность [7]. Хенсон отмечает то, как через метафоры вуали, мертвого тела, а также предметов интерьера находили свое выражение идеи феминизма. «Новая женщина» стала смелой попыткой писательниц построить новый тип самосознания в поздневикторианский период.

Любопытно, что главная героиня готической новеллы «Man-size in marble» Лаура формально соответствует характеристикам «новой женщины». Однако Несбит не случайно помещает ее образ в готический сюжет, избрав при этом форму новеллы. Таким образом, в рамках сюжетных схем готического канона происходит превращение героини в жертву.

Новизну данного исследования составляет обращение к использованным Эдит Несбит готическим мотивам, персонажно-образной системе, жанровым элементам, ассоциирующимся с литературой «тайны и ужаса», для выражения современной для Несбит позиции «новой женщины».

Жанровая специфика новеллы определила основные изменения, которые произошли с образами и топосами готического романа. Как отмечает в своей диссертации Н. В. Водолажченко, «вторичность» по отношению к романной форме компенсируется тем, что именно в новелле находит отражение значительно усложнившийся и расширившийся круг проблем современного общества» [2, с. 12]. Используя тропы готического романа, писательница смогла выразить положение женщины в переломный период конца XIX века. Исследователи становления феномена «новой женщины» часто недооценивали потенциал творчества Несбит, поскольку ее позиция относительно места женщины в обществе всегда была умеренной. К тому же ее окружали люди с более ярко выраженной феминистской позицией, такие как Ани Бесант и Элеонор Маркс, в то время как Несбит оставалась «intellectual butterfly», как назвала ее Джулия Бриггс, составитель наиболее полной биографии Эдит Несбит [3, с. XVIII].

В рамках данной статьи мы проанализируем известную готическую новеллу Эдит Несбит «Man-size in marble» [13], обратимся к хронотопам замкового и идиллического пространств, конфликту прошлого и настоящего, столкновению которых ведет к печальному финалу новеллы, а также рассмотрим, каким образом Несбит выстраивает критику по отношению к патриархальному строю. Отметим, что пассивность и безмолвность женщины в условиях следования традиционным гендерным установкам губительны, особенно, если ее участие в жизни ограничивается пределами дома. Другими словами, мы исследуем основные образы новеллы, с помощью которых писательница выражает свои взгляды на положение женщины в обществе, на женскую маргинализацию и ущемление женской свободы.

«Man-size in marble» отличает не только искусное использование Несбит готических приемов нагнетания напряжения, но и «политическая энергия, которая считается непривычной для готических произведений» [4, с. 457]. К такому заключению в своей статье приходит Ник Фриман, занимающийся репрезентацией образа «новой женщины» в готических текстах. В то же время Тек Мери посвящает статью «Гендерная борьба в новелле Эдит Несбит «Man-size in marble» анализу виктимизации женщины в условиях патриархального строя [12]. С точки зрения выражения феминистских взглядов, к творчеству Несбит обращается и Виктория Магрии в статье «Феминистская направленность повествования в готических новеллах Эдит Несбит» [9]. Она анализирует несколько ранних и поздних готических

новелл, опубликованных с 1893 по 1910 г., и приходит к выводу о том, что жанровая поэтика готической новеллы наиболее удобна для выражения феминистских взглядов, но отмечает умеренную позицию Несбит в отношении положения женщины в обществе.

«Man-size in marble» вошел в первый сборник готических рассказов, опубликованных в 1983 году. Сюжет строится вокруг оживших статуй средневековых рыцарей, что отсылает читателя к новелле Проспера Мериме «Венера Илльская».

Сюжет готической новеллы «обытовлен» по сравнению с традиционными готическими романами, топос средневекового замка хоть и сохранен, но перенесен в современный английский дом (часть сохранившегося дома средневековых рыцарей), отсутствует историческая дистанция, все герои имеют профессии и зарабатывают на жизнь самостоятельно. Молодожены — Джек и Лаура — переезжают из города в сельскую местность, где покупают «до смешного дешево» небольшой домик [13, с. 37]. Они нанимают служанку Миссис Дорман и заводят знакомство с доктором Келли. В один из дней суеверная Миссис Дорман предупреждает их, что вынуждена покинуть их дом за день до наступления Дня всех святых. После недолгого колебания она рассказывает Джеку о местной легенде о двух мраморных изваяниях католических рыцарей, которые в ночь с 31 октября на 1 ноября сходят со своих постаментов в церкви и идут в дом, который некогда был частью их феодального поместья, в дом, в котором теперь живут главные герои. Джека ненадолго охватывает тревога, но он отгоняет от себя плохие мысли и бережет жену от лишней волнений. В День всех святых он оставляет Лауру одну и отправляется в церковь, чтобы лично убедиться в глупости деревенских суеверий, но обнаруживает, что статуи пропали. В страхе он спешит домой и по дороге встречает доктора Келли, который смеется над предрассудками и убеждает Джека снова вернуться в церковь. Когда они приходят к алтарю, то видят, что обе статуи на месте, хотя у одной из них отсутствует... палец. Окончательно успокоившись, друзья возвращаются домой, где находят Лауру, которая впоследствии умирает в объятиях мужа, сжимая в руке мраморный палец, принадлежащий статуе.

Гибель главной героини в рамках готической новеллы неслучайна и неизбежна. Для того чтобы проблематизировать положение женщины в патриархальном обществе, Несбит помещает свою героиню в ситуацию кризиса. С одной стороны, это следствие столкновения хронотопов: прошлого и настоящего времени, а также закрытого и открытого пространств. С другой стороны, при анализе образов новеллы выявляется дуализм художественного образа главной героини, которая одновременно стремится к автономности и самовыражению, но позволяет инфантилизировать себя.

В готической традиции пространственный вектор, как правило, устремлен от открытого пространства к закрытому. Сюжетное развитие определяет неминуемую изоляцию героя в замке, церкви, подвале — топосах, ассоциирующихся с мистическими потусторонними силами. Лаура остается одна в доме, который в католические времена был частью большого рыцарского замка. Иными словами, перед нами замковое пространство. Как пишет Бахтин, «замок пришел из прошлых веков и повернут в прошлое» [1, с. 278]. Замок — это место исторического времени: здесь оживают темные легенды и суеверия. Поэтому ожившие рыцари

возвращаются в замок, где могут творить свои преступления дальше. Сила замкового хронотопа побеждает всякую рациональность. Несмотря на то, что классический готический топос в новелле приобретает реалистичные черты и превращается в английский дом, Несбит отмечает его уединенность, что объединяет похожие топосы готических новелл: «Дом стоял в отдалении, примерно в двух милях от деревни» [13, с. 37].

Предчувствуя беду, Лаура желает покинуть это пространство, но муж не позволяет ей это сделать, поэтому она умирает возле окна, находясь на пороге — между двумя пространствами. Как отмечает Бахтин, хронотоп порога связан со значением кризиса, перехода [1]. Порог в данном случае отделяет не только замковое пространство от идиллического (сад, море), смерть от спасения, но это и переход главной героини от состояния жертвы к положению «новой женщины».

Особого внимания в данном случае заслуживает неоднозначность главной героини. С одной стороны, она занимается сочинительством историй для журналов и боится лишиться возможности писать: «Представь себе, у нас не останется больше времени на наши занятия, на зарабатывание денег, ни на что» [13, с. 38].

В этом стремлении иметь собственный заработок и реализовать свой творческий потенциал вырисовывается образ «новой женщины» с ее требованием частного пространства и воплощения своих талантов. С другой стороны, она безынициативна и безмолвна, она не противоречит мужу и позволяет ему относиться к ней, как к ребенку. Джек не воспринимает ее писательскую деятельность серьезно. По его словам, она пишет «маленькие журнальные истории, которые приносят копеечку» [13, с. 37]. Он опекает жену, инфантилизует ее, называя «pussy», «sweetheart» и «little girl».

Стоит отметить, что за год до издания первого сборника готических новелл Несбит в Америке был опубликован рассказ Шарлотты Перкинс Гилман «Желтые обои» [6]. Невозможно не заметить параллель, связывающую главных героинь: они находятся под сковывающей опекой своих мужей, которые не видят в своих женах свободную зрелую личность. Подобное патерналистское отношение в конечном счете приводит к виктимизации обеих героинь.

Готические мотивы, используемые Несбит, служат не только сюжетобразующей функции, но способствуют выстраиванию критики по отношению к привычным гендерным установкам. Так, в День всех святых Лауру мучает предчувствие беды — она вспоминает, что когда-то испытывала что-то подобное. Данное совпадение может свидетельствовать и о близких отношениях с отцом, что созвучно традиции изображения готической героини. Как пишет Мишель Массе, «женщина (в готической литературе) может существовать только в связи с другим персонажем (мужского пола)» [10, с. 681]. В то же время мотив видения или бреда, как правило, относится к традиционным готическим мотивам, выполняющим сюжетную функцию, создавая бинарность художественного мира новеллы, подразумевающую столкновение сверхъестественного и рационального.

Джек настаивает на том, чтобы в роковую ночь она осталась дома и не утомляла себя прогулкой, и Лаура уступает. По мере развития сюжетной линии она всё больше приобретает черты «ангела в доме» и всё меньше напоминает «новую женщину». Всё это позволяет предположить, что гибель главной героини мета-

форична. В 1931 году Вирджиния Вульф призвала женщин-писательниц «убить» в себе «ангела в доме»:

«Убийство «ангела в доме» составляло для женщины неотъемлемую часть писательской деятельности» [15, с. 286].

Лаура-писательница уступает Лауре-жене и хозяйке, она покорна, очаровательна, «в совершенстве владеет трудным искусством семейной жизни. Каждый божий день приносит себя в жертву» [15, с. 286].

Ник Фриман в своей статье «Э. Несбит. Новая готическая женщина» указывает еще на один фактор неминуемой гибели Лауры: «В готической английской традиции католицизм часто изображался, как зловещий призрак, который, несмотря на то, что был признан мертвым, может восстать из могилы и покарать представителей прогресса» [4, с. 457]. Про рыцарей, чьи статуи установлены в церкви, Миссис Дорман рассказывает, что их деяния были так ужасны, что их поразили гнев небес. Несбит снова обращается к традиционному готическому мотиву — воздаянию за грехи. В католицизме, в отличие от протестантизма, существует чистилище, а сам католицизм, отвергнутый Генрихом VIII, ассоциируется в английском сознании с мистическим древним прошлым. Таким образом, ожившие статуи приходят из глубины веков, чтобы укрепить привычный им порядок, вернуть патриархальные законы и покарать инакомыслящих. Ник Фриман весьма категорично трактует сюжетную развязку: «Агрессивный по духу и организации католический патриархат не может позволить Лауре существовать» [4, с. 457].

Также интересен выбранный для мистических событий день — День всех святых. Этот день был исключен из религиозного календаря протестантов, соответственно, появление этой даты в тексте художественного произведения вновь отсылает читателя к прошлому, ко времени, когда было возможно воскрешение мертвых, когда суеверия имели большую силу, чем разум и знания.

Настоящее сталкивается с прошлым, открытое пространство — с закрытым, и между этими готическими топосами функцию проводника выполняет прислуга — Миссис Дорман. Она представляет собой сельских жителей, верящих в сверхъестественное, чуждых всяким рациональным объяснениям. Она — знак «феодального» устройства жизни главных героев и указывает на «двойственность меняющейся жизни» [11, с. 222], поскольку для конца XIX века слуги уже не были привычной составляющей быта современной женщины. Так, фигура Миссис Дорман связывает город и деревню, феодально-буржуазный уклад с современным. К тому же подобным образом Несбит критикует беспомощность Лауры в хозяйственных делах. Известен факт, что Эдит Несбит считала возможным отказаться от прислуги при обсуждении организации встреч членов Фабианского общества (этот факт приводит Джулия Бриггс в книге «Женщина страсти: Жизнь Эдит Несбит») [3]. Следует отметить, что само имя *Dogman* отсылает нас к староанглийскому слову «*doogkeeper*» (привратник), что еще раз подтверждает смысловое значение данного персонажа как проводника.

Можно также отметить, что в семиотике готики персонаж слуги часто выполняет функцию «предупреждающего знака», Кассандры, которая пророчит беду. Тот факт, что Миссис Дорман не рассказывает легенду Лауре, возможно, говорит, что в ней она видит пугливую женщину, требующую опеки и покровитель-

ства. Миссис Дорман, относящаяся к патриархальному миру, участвует в виктимизации героини.

Финал новеллы печален: Лаура становится жертвой пересечения времен и пространств, но в ее гибели есть и мотив освобождения. Фрэнсис О`Горман, рассуждая о том, как возвращение прошлого формирует структуру сюжета, указывает на «освободительную функцию прошлого времени» [14, с. 9]. Несбит, описывая деревья, окружавшие церковь, отмечает: «Огромные вязы, растущие перед церковью, раскинули свои величественные ветки, словно благословляя счастливых умерших» [13, с. 39]. Само словосочетание «happy dead», представляющее собой странный оксюморон, приводит к выводу, что, возможно, трагическая судьба Лауры в глазах «новой женщины» — это «счастливое» избавление от оков патриархата.

Заключение

Короткий готический рассказ «Man-size in marble» — прекрасный пример требования активной (в экзистенциальном смысле) позиции от женщины. Несмотря на то, что сама Эдит Несбит имела феминистские взгляды, отличающиеся умеренностью, она не могла не отметить сложность положения женщины в обществе в поздневикторианскую эпоху. Для выявления женской маргинализации она обращается к классическим готическим образам и мотивам: виктимная героиня, замковое пространство, слуга-вестник, мотивы предчувствия и возмездия.

Развитие готического сюжета приводит к тому, что главная героиня, несмотря на имеющиеся у нее качества «новой женщины», постепенно их утрачивает. Канон готической новеллы определяют вторжение сверхъестественного/прошлого в реальное/настоящее. Лаура оказывается во власти замкового хронотопа, где ее участь предопределена. В этом смысле гибель от рук «католических рыцарей» подобна казни. В то же время сама жанровая форма диктует правила, ведущие к виктимизации героини. Историческое время и замковое пространство определяют печальную судьбу героини, единственный шанс на спасение для которой — стать «новой женщины», войти в настоящее время и занять свое собственное место, как в домашнем быту, так и в профессии. Героиня Несбит — уже на пути к новому прочтению женской судьбы, поэтому важным элементом нарратива является хронотоп порога, который символизирует переходное состояние героини и общее состояние кризиса гендерных представлений в порубежное время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. — 282 с.
2. Водолажченко Н. В. Поэтика готической новеллистики Дж. Ш. Ле Фаню (на примере цикла «В зеркале отуманенном»), автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.фил. н.: 10.01.03 / Водолажченко Наталья Васильевна; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2008. — 24 с.
3. Briggs J. A Woman of Passion: The Life of E. Nesbit // New York: New Amsterdam Books, 1987. — 515 p.

4. Freeman N. E. Nesbit's New Woman Gothic, *Women's Writing* 15.3, 2008. — P. 454–469.
5. Gilbert S. M., Gubar, S. *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth — Century Literary Imagination. Second Edition.* Yale University Press: New Haven and London, 2000. — 719 p.
6. Gilman Ch. P. *The Yellow Wallpaper* // London: Little, brown group book, 2013.
7. Hanson C. *Hysterical Fictions. The "Woman's Novel" in the Twentieth Century.* Palgrave Macmillan, 2000. — 191 p.
8. Heilmann A. *New Woman Fiction: Women Writing First — Wave Feminism 2000th // Edition.* London: Palgrave Macmillan, 2000. — 239 p.
9. Magree V. *The Feminist orientation in Edith Nesbit's gothic short fiction. Women's writing* // Taylor & Francis, 2014. — P. 425–443.
10. Massé M. A. (1990). Gothic repetition: Husbands, horrors, and things that go bump in the night. *Signs*, 15 (4), 1990. — P. 679–709.
11. Mattis A. Gothic Interiority and Servants in Wharton's *A Backward Glance* and «*The Lady's Maid's Bell*». *Twentieth Century Literature.* Published By: Duke University Press. Vol. 58, № 2. 2012. — PP. 213–237.
12. Meri T. Gender struggle in Edith Nesbit's short story "Man — size in marble" // *European journal of literature and linguistics*, 2016.
13. Nesbit E. *Man-size in marble.* Grim Tales. Echo library, 2012. — 52 p.
14. Pulham P., Arias, R. *Haunting and spectrality in neo-Victorian fiction: Possessing the past.* New York: Palgrave Macmillan, 2010. — 224p.
15. Woolf V. *Professions for women. Collected essays. Vol. 2.* London: The Hogarth Press Ltd, 1966. — 313 p.

Kriukova V. G.,

*post-graduate student, Linguistics and literature studies,
Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

«"MAN-SIZE IN MARBLE" BY EDITH NESBIT:
PROBLEMATIZATION OF "THE NEW WOMAN" IN THE GENRE OF GOTHIC NOVEL»

The article discusses representation of the phenomenon of "the New Woman" in Edith Nesbit's gothic short story "Man-size in marble". The scope of the study is to analyze the range of gothic tropes and motifs called for indicating the victimized position of a woman in the late-Victorian period. The research also highlights the peculiarity of female gothic form and poetics and shows how the female image is victimized by patriarchy.

Key words: "The New Woman"; gothic tropes; motifs; genre elements; victimization; gothic themes; patriarchy; poetics.

